

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Лубна Саид (Lubna Saeed)

«Исламизация государства, гендерных отношений и повседневности в Пакистане» («Islamization of the State, Gender Relations and the Everyday in Pakistan») представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение

Ислам – одна из трёх мировых религий, имеющих как богатую и неоднозначную историю, так и сложность исполнения её установок в секулярном (преимущественно) мировом пространстве XX – XXI вв.¹. Поэтому заметим – указанная диссертанткой численность в 1.6 млрд. мусульман² (якобы, составляющих большинство населения в 35 странах³) – не корректна. Почему? В XIX – XX вв. различаются⁴ «мусульманский мир» («*Muslim world*» / «дар уль-ислам») – часть нашей планеты, где живут мусульмане (в т. ч. Россия) и «исламский мир» («*Islamic world*» / «аль-му'минин») – сообщество, где бытие определяет шариат как регулятор общественной и личной жизни. Пакистан как раз и относится к «*Islamic world*».

Ещё в 27 странах ислам является государственной религией. Но в диссертации эти образы не разделены: «*Muslim world*» упомянут на С. 94, 113 и др., «*Islamic world*» – на С. 53 и др. А на С. 71 присутствуют оба понятия. Если бы они были «разведены», то читающим диссертацию стало бы понятно – где в самом Пакистане проходит «граница» в гендерном вопросе. Ведь для «*Islamic world*» полигамия – норма. Проблема «правоверия» вообще в исламе, замечено философами, не разрешаемая⁵. А различие в мусульманском сообществе Пакистана (Западного и Восточного) привело к рождению в 1971 г. Бангладеш. Таким образом, ислам и в этой части Южной Азии «един, но многообразен». Игнорировать это положение трудно, а вообще и нельзя.

Часть «этнических мусульман» не является активно верующими (практикующими). Есть среди «этнических мусульман» принявшие другую веру, равно как и атеисты – научные и А стихийные. С этим, понимаю, не согласны улемы и религиозные активисты (включая исламистов⁶), нередко считающие «номинальных» мусульман «вероотступниками» (муртад

¹ Его начало – французский закон о разделении Церкви и государства 1905 г. Но в СССР секуляризм возводился в абсолют. Это крайность.

² см.: Shariatmadari, David. Trump launches war jn Islam. The Guardian weekly, 3-9 February 2017.

³ Лубна Саид полагает, что таких стран 49.

⁴ Благодаря реформаторам – Мухаммаду Али (Египет), Махмуду II (Турция), Дауд Паше (Ирак) и др.

⁵ см.: Насыров И. Исламское представление о Боге (Аллахе) как вершителе справедливости и его философское и религиозное обоснование // Глобализация и справедливость: сб. ст. / под ред. Карабаева Н.С. и Юртаева В.И. М., 2007.

⁶ Под данной классификацией подразумеваем широкий диапазон проводников идеи Islamism, в т. ч. сторонников альтернативы мирным общемировым процессам, т. е. крайне радикальных форм, включая салафитов (ас-саляф ас-салихуна).

фитри и мургад милли). А вот Шибли Тельхаме полагает, что мусульману не обязательно быть религиозным⁷. Между тем, Конституция Пакистана 1956 г. имела светский характер, где религия объявлялась личным делом. И лишь Конституция 1973 г. «перезаформировала» отношение к свободе совести, сориентировав пакистанское общество на ислам и в повседневной жизни.

Не склонен преувеличивать, как и нет желания приуменьшать значение исламского фактора. Полагаю: как и христианизация (она была и присутствует, в т. ч. в политическом «поле»⁸) исламизация (как особенность религии, предполагающий «особый путь развития») имеет разную направленность – в зависимости от времени и форм её проявлений – мирную, через освоение достижений исламской цивилизации, осмысление положений её догм, и насильственную, которая отрицает международные правовые нормы, игнорирует местные культурные традиции.

Экстремисты и фанатики⁹, опирающиеся в своей деятельности (и не только религиозной, но и военной) на религиозную идеологию, готовы пойти на крайние меры, выдерживают прессинг власти, считая, что «выполняют волю Аллаха»¹⁰. Отсюда и принципиальный вывод, основанный на мнении многих психологов и психиатров: фанатизм может стать нормой поведения в какой-либо группе, а вот фанатизм как ценность ислама – нет, если это не идеология шизоидного локального сообщества. И это сообщество себя уничтожает быстро, а то и мгновенно...

Если для той или иной страны религия занимает статус государственной, христианизация (как в Греции или Ватикане) или исламизация (как в Саудовской Аравии или Пакистане) могут считаться допустимыми (и даже поощряемыми), то для государств светской направленности (к которым относится Российская Федерация) этот принцип неприменим. Поэтому и разделяем умму¹¹ (очень условно) на «традиционных / умеренных мусульман» и воинствующих (радикальных) исламистов. При этом понимаем, что многие приверженцы ислама (соблюдающие

---

⁷ Диссертантка, впрочем, не одинока. – см.: Shibley Telhami. The world through Arab Eyes. Basic Books. N.-Y., 2013. P. 20.

⁸ Тому пример – акция представителя «Христианского государства - Святая Русь», пытавшегося в Екатеринбурге сорвать показ фильма «Матильда».

⁹ Из всех научных подходов понятнее определение российских исследователей В.А. и В.С. Поликарповых: «К характерным особенностям религиозного фанатизма авторы относят: искреннюю убежденность в абсолютной истинности религиозных ценностей, исключительную преданность этим ценностям, иррациональное эмоциональное отношение к действительности, зачастую возникающее на основе догматического мышления и деспотизма или авторитаризма в жизненной практике». И не все фанатики отвлечённые мечтатели или относящиеся к шизоидным типам.

¹⁰ Jean-Pierre Filin. Le nouveau Moyen Orient. Paris, 2012. P. 299.

¹¹ Умма в современных условиях предполагает всё-таки многообразие, включая региональные традиции исповедания.

все установки религии в повседневной жизни) находятся в «переходной» фазе, где проблема, например, ношения хиджаба, для кого-то является крайне важной.

Поэтому, согласен с диссертанткой, что многие исламские вопросы «...должны деликатно и всесторонне изучаться без излишней проекции западных стереотипов». Добавлю: с позиций светских наук: истории, социологии, психологии, религиоведения (в т. ч. исламоведения), культурной антропологии, философии. Конечно, необходимо опираться также образами и представлениями, существующие в исламистике (теологии). В этом отношении замечу, что используемое диссертанткой на С. 10, 40, 67, 87 понятие «reforms» (в т. ч. в образовании) не всегда соответствует арабскому термину «islah» (в диссертации его нет).

Сохраняя принцип научной объективности важно (отринув на время личную мировоззренческую позицию¹²) проанализировать то, что осмыслено с философских позиций в диссертации Лубна Саид, посвященной стране, где ислам играл и играет важную роль.

АКТУАЛЬНОСТЬ. Пакистан является второй страной на Земле по численности мусульман + «этнических мусульман» (196,2 млн. в 2017 г.), а вследствие демографических особенностей к 2100 г. это может достичь 300 млн. Уже в силу данного обстоятельства внимание к заявленному в названии диссертации велико.

Второй фактор – потенциальная опасность религиозного экстремизма, но который неоправданно связывают только с исламом. Конфликт в Мьянме показал ошибочность такого подхода. В то же время Пакистан в массовом сознании части граждан Европы, Азии, Америки после 11.09.2001 г., а также убийства Беназир Бхутто и Усабы б. Ладана воспринимается как источник потенциальной опасности, исходящей от воинствующих радикалов¹³.

При этом не отделяется исламизм (Islamism) – направление богословской мысли, от попыток практической её реализации в действиях воинствующих исламистов. Но к этим радикалам со стороны пакистанских властей действуют жёсткие меры. Исламизм организационно не представляет единого целого, но стал образом «глобальной проблемы». И отрадно, что диссертантка это исследует, хотя исходит из своеобразного взгляда.

Мы указывали в публикациях¹⁴, что в Пакистане не только получали религиозное образование россияне, но и находили прибежище воинствующие исламисты – выходцы из России. Более того, уроженка якутского г. Нерюнгри с «немецкой» фамилией – О. Шредер убита

---

¹² Являюсь атеистом, но занимаюсь изучением ислама.

¹³ Разделяем точку зрения А.В. Малашенко, что радикал – не отрицательное / негативное определение, а констатация «крайней» позиции. – см.: Малашенко А.В. Ислам: век XXI. 2019. С. 54-55. И старообрядцы России, например, были радикалами.

¹⁴ см.: Ислам на краю света: [в 3 т.]. Т. 3: Трансформация уммы в XIX – XXI вв. [коллективная монография] / А.П. Ярков (ред.). М., 2015. С. 359, 373.

как террористка - исламистка именно в Пакистане. Оттуда же прибывали в Россию миссионеры, в т. ч. проповедовавшие крайне радикальные действия, а не только идеи.

Повседневная жизнь мусульман включает множество аспектов¹⁵. И не только в зоне традиционного проживания пакистанцев. В научный оборот нами введено понятие «трюмный джамаат», касающееся временных групп мусульман на судах российской приписки (к портам), объединявшиеся для намаза, с включением пакистанских моряков и рыбаков¹⁶. Эта часть мировой уммы не исследована, как с точки зрения согласования обрядов, так и при оценке мировоззренческих особенностей группы. Рождается «на наших глазах» новая форма повседневности на трансграничных маршрутах.

Таким образом, установлено, мусульмане России и Пакистана (несмотря на географическую отдалённость) связаны между собой, а изучение состояния уммы южно-азиатской страны АКТУАЛЬНО не только с точки зрения «чистой науки», но и применительно к проблемам национальной безопасности России.

НАУЧНАЯ ИЗУЧЕННОСТЬ ЗАЯВЛЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ. Известно: на территорию Северо-Западной Индии (в основном это современная территория Пакистана) исламизации проходила разными способами, внедряя централизованную систему управления, приобщая население к оседлому образу жизни и земледелию, предотвращая войны, устанавливая политические и экономические связи с дальними и ближними соседями, развивая диалог культур и т. п. Об этом говорится в значительной части работ, посвященных исламскому фактору применительно к пакистанскому обществу.

Если некоторые указанные диссертанткой – Саид Лубна исследователи (как D. DeWeese) хорошо известны отечественным исламооведам¹⁷, то многие из цитируемых ею учёных мало знакомы (кроме тех, кто специально занимается Пакистаном и ситуацией с исламом в Южной Азии). Это заставило и нас познакомиться с этими авторами (точнее, их произведениями¹⁸), за что благодарны диссертантке.

---

¹⁵ Ислам, как впрочем и иудаизм, подробно регламентируют жизнь верующего.

¹⁶ Ярков А.П. К проблеме духовной безопасности в азиатском пространстве современной России // Социальная безопасность в евразийском пространстве: мат. Всерос. круглого стола с междунар. участием. Тюмень, 2016. С. 106-108; Ярков А.П., Денисова Л.В., Морозов А.А. Социокультурные трансформации ислама в Сибири и на Дальнем Востоке на рубеже XX – XXI веков // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. ? 4. С. 72-76.

¹⁷ Их работы переведены на русский язык.

¹⁸ Marwah I.S. Islamization and Muslim Identity: The Case of Meos. *Journal of Human Ecology*. Vol. 11. No. 4. 2000. P. 256-273; Aktas V. Islamization of Anatolia and the Effects of Established Sufism. *The Anthropologist*. Vol. 17. No. 1. 2004. P. 147-155. Wellfelt E. Islam in Aru: Oral traditions and Islamization processes from the early modern period to the present. *Indonesia and the Malay World*. Vol. 47. No. 138. 2019. P. 160-183 и другие.

Процессы глобализации, угрозы распространения религиозного экстремизма (а Пакистан находится в азиатской «дуге исламской радикализации» – по определению отечественного исламоведа А.В. Малащенко) имеют «волны воздействия» и на российское мусульманское сообщество. Об этом диссертантка не написала. Но зная, что защита будет происходить в России, об этом стоило бы Саид Лубна рассказать!

Касаясь самой диссертации, отметим, что уже в первой главе – «Introduction» Лубна Саид достаточно подробно отразила историю уммы в этой стране. Не менее актуально (чем исторический аспект) то, что: «*One such reflection is the rapid growth of post-colonial problems. While constituting a popular theory, post-colonialism is at the same time a characteristic of the political, social and cultural life of a large number of modern countries*» (Р. 4). И касается, заметим, это не только Пакистана, но и исламского мира в целом. Почему? Следует понимать, что ислам в Пакистане – часть мирового ислама, но страна (по её Конституции ислам – религия большинства) находится рядом с крупнейшими государствами Азии – Индией¹⁹ и Китаем, где издавна существуют свои религиозные и религиозно-философские системы, претендовавшие (и претендующие) на роль «глобальных игроков» мирового уровня.

Повлиял на судьбу политического ислама²⁰ в регионе и сосед Пакистана по региону – шиитская (преимущественно) Исламская Республика Иран (с него, в принципе, и началось развитие исламизма в 1970-е гг.). Его становление в новой политической реальности (в XX в.) также проходило под знаменем «шариатизации» (*of «shariatization»*. Р. 41), но имело свои особенности.

Не претендующий на лидеры соседний с Пакистаном Афганистан, тем не менее стал острой проблемой для многих стран мира в течении долгих лет: «*The 40-year war in Afghanistan, which started with the Soviet invasion and continues due to American interests in the region, is just one example of the link between the use of Islam for strengthening national security in the context of Pakistan's involvement in the geopolitical games of the 'heavyweight' countries*» (Р. 10-11).

За каждым из всех субъектов политических процессов в этой части азиатского континента – свои особенности, игнорировать которые нельзя. К тому же Пакистан, Индия и Китай обладают ядерным оружием (а Иран близок к тому), опасность применения которого может стать реальностью, если оно попадёт в руки экстремистов любой религиозной принадлежности.

В Параграфе 2.2 «Phases of political History of Pakistan на С. 57 выделены этапы: 1). Indo-Muslim Modernization: Post-Jinnah Era (1947–1958) when all laws and norms were implemented according to Britain's period; 2). Islamic Modernism: Era of Islamic Development (1958–1971); 3).

---

¹⁹ Примерно 15 % её населения исповедует ислам.

²⁰ Понятие включает признание единства религии и политики. – см.: Малащенко А.В. Ислам: век XXI. 2019. С. 53.

Islamism: Zulfiqar Ali Bhutto Era (1971–1973); 4). Jihadism: Zia-ul-Haq Era (1973–1988); 5). Theocratic Extremism: Talibanization: Benazir Bhutto Era (1988–2001); 6). New Orientation and Struggle against terrorism». Признаем правомерность такого подхода, но не понятно: почему трактовка и описание «Исламской модернизации» (Р. 60-63) заканчивается датой – 1971 г.? Разве на этом этапе «модернизация» пришла к финалу? Логичнее, полагаем, использовать более широкое понятие, чем «Modernism», а именно «Transformatzia».

А какой тогда смысл вкладывать в понятие «Jihadism» лишь по отношению к 1973–1988 гг., тогда как джихад (фатх) – извечное качество мусульманина, который обязан идти по пути духовного совершенствования. И где главный джихад не борьба с кафирами²¹ вооруженным путём (джихад меча / газават), а борьба с неверием в самом себе (джихад ан-нафсий), в окружении, в пространстве²². Полагаю, что введение шариатского суда – не критерий.

Не можем не сдержаться в описании главного расхождения с позицией автора. Если, оценивая задачу исламизма (Islamism) как реисламизацию всего мусульманского мира и создание в итоге единого государства, то как это согласуется с проведением в Пакистане идеи исламизации как фактора формирования единой нации под знаменем «Transnationalism»? Как к этому отнесётся шиитская часть пакистанской уммы? Как можно понять (а соискательнице найти ответ на вопрос), насколько (и как?) будут осуществляется признаваемая Пакистаном²³ Всеобщая декларация прав человека?

Между тем, любая конфессиональная общность состоит из индивидуумов, которые осознают принадлежность к этой совокупности, определённым образом взаимодействуют друг с другом и выделяются членами других сообществ. Прошлое и настоящее религиозной культуры – всегда и первоочередно прошлое и настоящее этих «Я», поскольку именно носители культуры являются хранителями конфессиональных и этнических традиций, говоря словами Ш.Л. Монтескье, – «народного духа»²⁴. Но повсеместное присутствие и влияние ислама на жизнь данной страны необходимо исследовать с учетом голосов *рядовых* граждан, а эмпирических исследований, осуществленных в данной стране, пока недостаточно.

В этой связи обратил внимание, что в диссертации речь идёт о Пакистане, как исламской стране, а его население – «единое целое». Стоит, наверное, сказать, что внедрение «правил исламизации» в элите страны и в массах – разнопорядковые явления. Это согласование должно

---

²¹ При условии, что они нарушили договор и угрожают жизни.

²² В Иране есть Министерство сельскохозяйственного джихада.

²³ В Уставе Организации Исламская конференция сказано о её признании.

²⁴ Для того чтобы в каждом случае выявить особенности отношений «Я» и традиции, необходимо изучить пути проникновения религиозных воззрений, аккумулирующих духовный опыт определённой человеческой общности.

заняло долгое время. Отметим: это продолжается в пакистанской умме и в XXI в., что соответствует позиции светской науки²⁵, допускающей и индигенизацию локальных сообществ внутри большой, многонаселённой страны²⁶.

В государстве с населением в 196,2 млн. чел. (2017) проживают, заметим, не только мусульмане (96 % населения), но христиане, индуисты, сикхи. Кстати, из мусульман 5 % – шииты - иммамиты, а также исмаилиты. Эта часть населения Пакистана осталась верной мировоззренческому выбору предков. Наступление на их мировоззренческие убеждения чревато конфликтами. А факты убийства христиан, уничтожения их храмов в Пакистане, игнорировать нельзя.

При численном доминировании суннитской модели управления в ходе исламизации не приведёт ли это к конфликтам, давлению на шиитов и к массовому исходу из страны меньшинств? Это уже случалось в истории страны, с 1947 г. потерявшей (через эмиграцию) 5 млн. своих граждан. Тогда численность религиозных меньшинств сократились с 23 % до 3,7 %. И дело здесь не только в «вымывании» немусульманского населения, а к появлению крайне опасного религиозного экстремизма «неисламского» происхождения, базирующегося вне страны. Хотелось бы узнать позицию диссертантки в оценке этого аспекта.

В качестве положительного заметим: диссертантка – Саид Лубна профессионально (и по всему тексту) исследует вопрос инструментального использования положений ислама различными общественными силами, где для одних ислам – это идея мирного вхождения в состояние Всемирного халифата, для других – призыв (даваат), для третьих – признание срочных насильственных действий (военный джихад). В этой связи важно остановиться и на роли исламского образования в Пакистане, куда стремятся поехать и некоторые молодые россияне, получая и разные направления личных духовных поисков Истины.

Соглашусь с позицией I. Strenski в оценке системы «промывки мозгов» через пакистанские учебные заведения и издающуюся в этой стране литературу²⁷, поскольку среди предоставляемой для оценки в Экспертный научный центр по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета встречаются книги и брошюры экстремистского характера. И если этот «поток» превратился ныне в «ручeyк» - не достижение таможенной и пограничных служб Российской Федерации, а «перемещение» этого материала в социальные сети.

---

²⁵ Фундаментализм отторгает многие новации, считая их «бида».

²⁶ Индигенизация («отуземливание») – термин теоретической антропологии, обозначает локальные тенденции на культурное влияние, обособление и цивилизационную независимость.

²⁷Strenski I. Dishonoring Honor Killing and The Pursuit of Moderate Islam. Terrorism and Political Violence. 2019. Vol. 31, No. 5. P. 1126-1127.

Внимание привлёк параграф, посвященный этапам исламизации в независимом Пакистане (« Phases of political History of Pakistan»), поскольку его положения нашли продолжение в других разделах диссертации. Действительно, идея политизации формируется в определённый исторический момент: *«A narrow understanding is that Islamization is the concrete political program which was introduced in the 1970s and 1980s and proclaimed increased justice and other public goods under Islamic laws made available by revelation»* (Р. 164), а развивается впоследствии.

Но, полагаем, феномен любой региональной культуры (в т. ч. в Пакистане) связан с природными и антропогенными факторами, «картиной мира» и системой ценностей, что свойственны населению, а также социальными коммуникациями, определяя специфику трансформационных процессов. Соответственно, важным этапом для последующего анализа истории ислама в Пакистане является отбор коррелируемых, взаимообусловленных, связанных между собой факторов, явлений и событий, репрезентирующих этот феномен. Поэтому важно назвать: когда и на какой стадии развития часть пакистанцев приблизилась к одной из кризисных точек бифуркационного ветвления? И почему выбрала путь ислама? Этого в представленной к защите диссертации мы не нашли. Почему?

С предложенной автором – Саид Лубна периодизацией можно согласиться, но заинтересовало одно из положений в самом начале диссертации (и в тексте продолженном): *«Пакистан ... представляет собой страну особенно успешной исламизации, осуществляемой государством через образование и контроль над повседневными практиками»* («Pakistan, in other words, is a country of particularly successful Islamization carried out by the state through education and control of everyday practices»). Р. 5).

Убеждены: исламизация, как процесс, не может характеризоваться качественными оценками, исходя из «многомерности» самой религии. А при отсутствии «вертикали» управления мировой и даже региональной уммой, разнообразия масхабов и, соответственно, богословских школ и местных традиций исповедания, каждая из идей и практик исламизации будет «особой», а в острых ситуациях и конфликтогенной.

Да и наличие в самом Пакистане шиитов и исмаилитов ставит вопрос, на который и прошу ответить диссертантку: «Кто и как будет контролировать (при этом многообразии конфессиональных отличий) процесс исламизации?» И не вызовет ли это конфликты в умме Пакистана, как и сторонников разных масхабов в приграничных странах?

Как и Дж. Батлер (J. Butler), диссертантка – Саид Лубна задаётся вопросом: *«...если гендер является социально и культурно сконструирован, в чем особенность механизма этой конструкции?»* (Р. 30). Её ответ, полагаем, находится в параграфе 3.2 «Interpretation Of Gender Roles In Islam Through The Lense Of Pakistani People's Voices», где категория гендера, якобы,

«...рассмотрена не только с учётом главного аргумента гендерной теории, а именно того, что социальные, а не биологические процессы порождают пол».

Позволю себе сомнение в этом походе, исходя не из «европейской свободы гендерного самоопределения», а из того, что человек (за исключением гермофродитов) рождается биологически определённым (мальчик или девочка), но в процессе взросления, действительно, на него оказывают влияние социальные факторы и личные обстоятельства (воспитание, знания). Исламские ценности (и, соответственно, мораль), между тем, отрицают понятие «свободы гендерного выбора». Это и рождает, в частности, проблемы расхождения с «либеральным подходом» (без иронии, а лишь исходя из принятой в западной научной терминологии) к гендерному вопросу.

Соответственно, полагаем, в этом же контексте – соотношения мирового (глобального) и регионального факторов, общего и частного (включая позицию рядовых мусульман - субъекта²⁸), статичных и динамичных законов развития, следует изучать заявленную проблему исламизации, как исторически непрерывный процесс: *«In other words, by focusing on Islamization, I present the ubiquitous presence of Islam in the politics and the everyday as a process the consequences of which still remain to be seen»* (Р. 5). Он обусловлен многими обстоятельствами и факторами, которые и необходимо рассмотреть в их взаимодействии.

Диссертантка – Саид Лубна успешно их определяет. Но иногда это приводит её к «интересным» выводам. Так, мнение о том, что Пакистан не имеет возможности и сил для самостоятельного управления: *«It is no coincidence that Pakistan was seen as a failed state. In addition, different forces within the country had different ideas about how the country should develop: political leaders, military and business circles used Islamic symbols and texts of the founding fathers in different ways to pursue their interests»* (Р. 41) распространено, но спорно.

Дело в том, что если рассматривать пространство всего субконтинента, то можно заметить неравновесность систем управления во всех государственных образованиях, за исключением тех, где господствуют авторитарные режимы. Причина известна – борьба либеральной и консервативно-охранительных тенденций. Не избежал и Пакистан этой «борьбы» во время правления генерала Зия уль Хака, где и сформировалась политика «of military Islamization». Об этом говорится и главе 2 «Исламизация государственной политики в Пакистане», которая посвящена «прояснению исторического контекста политической эволюции Пакистана». И здесь

---

²⁸ В качестве приложения в диссертации размещён вопросник, адресованный рядовым мусульманам (Р. 175-180), а диссертантка оговаривает в тексте «*Значимость введения в научный обиход голосов рядовых мусульман и использования современных аргументов и теорий для их анализа*»

желательно было бы отметить диссертантке, то в 1950–1970 гг. исламская альтернатива ОБЩЕМИРОВОМУ развитию являлась квинтэссенцией исламского «возрождения».

Конечно, требовать упоминания всех международных организаций, работающих в сфере исламской культуры, науки и образования нельзя, но есть успешно действующая «Islamic Educational, Scientific and Cultural Organisational» (ISESCO). Её деятельность важна для выработки общих принципов отношения к светскому и религиозному образованию в «исламском мире». Важна эта организация и для Пакистана. Думаю, что в будущем было бы полезным включить и эту организацию в дискурс.

Очень спорные моменты касаются перспектив развития уммы Пакистана, как и форм разрешения противостояния с «западным миром»²⁹.

В заключении добавим, что все четыре ЗАДАЧИ, заявленные во Введении (Р. 13), успешно разрешены. СООТВЕТСТВУЮТ ДИССЕРТАЦИИ автореферат и статьи в изданиях, определенных ВАК и аттестационным советом УрФУ:

1. Саид Лубна. Обсуждение гендерных вопросов с точки зрения исламской религии и философии // *Фундаментальные аспекты психического здоровья*. 2018. No 4. С. 80-86;
2. Саид Лубна. Социополитические мысли и влияние атеизма на современное западное общество // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2018. Т. 7. No. 3а. С. 87-93;
3. Саид Лубна. Традиционные практики, ущемляющие права женщин в исламской культуре Пакистана // *Социология* - 2020. No. 3. С. 327-333;
4. Саид Лубна. *Modernization and Islam. (Модернизация и ислам)* // Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. Екатеринбург, 2019. С. 268-271.

Изложение текста достаточно логично. ГИПОТЕЗА приемлема для принятого в Пакистане подхода, хотя иногда спорна с позиций отечественного (российского) религиоведения.

Высказанные замечания, отмеченные ошибки (по нашему мнению), недостаточно аргументированные выводы (готов снять свои претензии, если на публичной защите это будет доказано) не снижают в целом положительной оценки проведённой Саид Лубна работы. Представленная Саид Лубна диссертация «Исламизация государства, гендерных отношений и повседневности в Пакистане» («Islamization of the State, Gender Relations and the Everyday in Pakistan») на соискание отвечает требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых

---

²⁹ Он ведь не только христианский или секулярный. В его рамках существует, как нам представляется, и мусульманская Турция. Она нашла путь сочетания ислама и светскости еще при реформаторе Мустафе Кемаль Ататюрке, создавшего лаицизм.

степеней в УрФУ». Автор диссертации Лубна Саид заслуживает присуждения учёной степени кандидата философских наук по специальности 09.00.14 - Философия религии и религиоведение.

Официальный оппонент
доктор исторических наук,
ведущий эксперт Экспертного научного центра
по противодействию идеологии экстремизма и терроризма,
профессор кафедры истории Средних веков Института социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Ярков Александр Павлович

625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6
Тел. 89044918014
E mail: ayarkov@rambler.ru

19 декабря 2020 г.

Подпись Яркова Александра Павловича заверяю

*и.о. первого проректора
ТюмГУ*

А.В. Толстиков

